

A classical painting of a man, likely a historical figure, seated and holding a globe. He is wearing a yellow and blue robe and a crown. The background is dark with ornate architectural elements. A skull is visible in the foreground on the right.

Константин Добровольский
Триключения
Хуана
ибн Куку

книга первая

Константин Добровольский

**Приключения Хуана
ибн Куку. Книга первая**

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Добровольский К.

Приключения Хуана ибн Куку. Книга первая /
К. Добровольский — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Книга о приключениях великого и прекрасного путешественника и принца Хуана ибн Куку, который жил во все времена, побывал всюду, переплыл все моря и океаны. Обладал всеми богатствами земли, но не имел при себе ломаного гроша. Владел дворцами, но не жил в них ни одного дня. Каждый день ночевал на краю земли и всегда спал голым. Лично был знаком со Смертью и однажды обманул самого Дьявола!

Предисловие к книге

– *Не обращайтесь внимания*, это всего лишь очередной городской сумасшедший! – сказал мне немолодой хозяин кафе, когда раздались возгласы уличного торговца:

«Слушайте, слушайте, и не говорите, что не слышали! Последний день в вашем городе! Книга всех времен о приключениях великого и прекрасного путешественника и принца Хуана ибн Куку, который жил во все времена, побывал всюду, переплыл все моря и океаны, обладал всеми богатствами земли, но не имел при себе и ломаного гроша, владел дворцами, но не жил в них ни одного дня. Каждый день ночевал на краю Земли и всегда спал голым!

Лично был знаком со Смертью и однажды обманул самого Дьявола!»

Кроме этих возгласов меня привлек внешний вид торговца, который выделялся на фоне прочих, и было очевидно, что он прибыл сюда издалека и посетил ещё немало мест. Я решил подойти поинтересоваться его товаром, так как мне показалось, что это меня ни к чему не обязывает. На сколоченном из какого-то старья прилавке на велосипедных колесах лежали стопки одинаковых книг. Было заметно, что их плохо покупали. Увидев моё приближение, он преобразился:

– Возьмите в руки, я Вам разрешаю, пожалуйста, *смелее*, берите! Посмотрите, какой прекрасный переплет, и какие рисунки! Поверьте, вы не пожалеете!

– Сколько стоит *эта* книга?

– Всего сто монет. Но, вам я уступлю потому, что вы мне нравитесь! – сказал он, заметив мое удивление и смущение.

– Не дороговато ли за какие-то *сказки*, друг? – спросил я, заметив, что на нас смотрят сидящие за столиками кафе утренние посетители, и мне ужасно не хотелось глупо выглядеть. Утолить свое любопытство на глазах у всех самым обычным способом показалось мне несколько заурядным, поэтому я решил отделаться парой простых фраз, а затем ретироваться подальше и наверное уже никогда больше не заходить в это кафе.

– Э-э! – растянулся он в улыбке, – Вот видишь, мы с тобой уже друзья! Ты сам сказал! Конечно, бери за семьдесят пять, *Друг!* И потом, это не просто сказки! Как говорил мне сам Хуан ибн Куку – великий и прекрасный — *те, кто верят в сказки, вовсе не дураки, потому что дураки те, кто в них не верит!* Да, и к слову, Хуан был не только путешественник, но и врачеватель, отменно фехтовал, играл в шахматы, и...

И дальше он начал без устали говорить мне разное, суть которого я уже не разбирал, а лишь пытался понять последнее услышанное:

те, кто верят в сказки – вовсе не дураки, потому что дураки те, кто в них не верит!

Перед моими глазами мелькали страницы с красивыми иллюстрациями, нарисованными вручную, по которым он водил пальцем, заглядывая через мое плечо. В уши мне лился голос моего «нового друга», его дыхание едва ли касалось моих щек; пахло какими-то восточными благовониями, а я чувствовал себя, словно ребенок, эдаким *Буратино*.

– Поверь мне, Друг Мой, эта книга изменит твою *Жизнь!*

– Подожди, «друг», – вдруг очнулся во мне *скептик*, – так ты говоришь, что он сказал тебе это лично? Как его там? Хуан ибн..

– *Хуан ибн Куку*, самый великий и прекрасный, как Брахмапутра, откуда я родом, ага!

– Как это возможно, если это *сказки*, или тогда, как *он...* то есть, как *ты* его можешь *знать?* – запутался я.

– Поверь мне на слово, друг мой! Когда ты прочтешь эту книгу, то будешь знать его не меньше, чем я! – ответил он мне, будто зная, о чем я хочу спросить, и ответил так, что я запутался окончательно и понял, что без неё мне никак не разобратся в таких, казалось бы, *простых вещах*.

Мои руки сами потянулись в карман, и вот уже через мгновение я стал обладателем книги, которая, по словам торговца, должна была изменить мою жизнь. Уставившись в обложку, я собрался было уйти, как услышал за своей спиной:

– Мсье, ваш кофе!

Я вернулся за столик под одобрительные взгляды. Передо мной рядом с недопитой чашкой кофе лежал счет, который я чуть было не забыл оплатить, – каков же я болван. Получилось неудобно, но, кажется, на это никто специально не обратил внимания, чтобы не смущать меня. Я сконфузился еще больше, и мне ничего не оставалось, как раскрыть книгу и читать, опустив голову.

И вот теперь, по прошествии стольких лет, я путешествую по миру в поисках *Великого и Прекрасного Хуана ибн Куку, Путешественника и Принца, который жил во Все времена, побывал всюду, переплыл все Моря и Океаны*, следы которого я находил везде: в Бомбее, Калькутте, на Суматре, в Париже и Лондоне, – который ускользал у меня из-под носа в Гималаях, на границе Сахары, в Персии и на дальнем Востоке. Я слышал о нем в римских термах, притонах Сиамы, и даже рядом с синагогами Иерусалима поговаривали о нем шепотом и нескрываемым восторгом. Доводилось мне беседовать с теми людьми, которые *видели* его, и даже *знали* лично. Так книга изменила меня и всю мою жизнь! Вот и сейчас, находясь в *его* поисках, я дописываю первые свои рассказы. Не суди меня строго, друг мой, я всего лишь писатель.

Далее, дорогой мой читатель, позволь называть тебя так – *Моим Другом!* Поверь, что после знакомства с уличным торговцем я очень просто завожу друзей! А вот имени его я так и не узнал, о чем очень жалею. С того времени я помню по именам всех, кого встретил в своей жизни, обстоятельства и детали, поэтому буду пересказывать тебе всё, что прочитал в той книге со всеми подробностями, которые помню *точно!*

Часть 1

Глава 1

Происхождение Хуана ибн Куку, о том, как он получил свое имя, о принцессе Надириад и почему он жил во Все Времена.

Караван

История эта началась в караване, шедшем откуда-то из глубины пустыни. Вместе с этим караваном ехала принцесса Надириад, которая сыграла в судьбе Хуана самую главную роль и, по сути, была ее началом. Если бы не она, то кто знает, как бы сложилась его судьба и началась бы вообще вся эта история. Да, так случается и в нашей жизни.

Вместе с караваном путешествовала не только принцесса Надириад, были торговцы, ремесленники, переселенцы, артисты, танцоры и прочий люд. Караван растягивался на многие мили и порой, встретив кого-либо в начале пути, ты мог с ним не увидеться больше завтра или послезавтра, так как все в этом караване двигались с разной скоростью.

Идти вместе было веселей, чем в одиночку. К каравану постоянно кто-то пристраивался или покидал его, попрощавшись со всеми и пожелав доброго пути. Каждый вечер караван останавливался под звездами на ночлег. Зажигались сотни огней по всей его длине, и все собирались на ужин, пели и танцевали у костров. Еду запросто делили с теми, у кого ее не было, и не для того чтобы никто не воровал по ночам, а просто потому, что так поступают в путешествии – кому кто нравился, тот того и угощал. Было весело и дивно под ковром из этих звезд, и ночи те были на редкость нежны!

Как-то раз, солнечным днем, принцесса Надириад, или просто Надирь, выглянув из своей кибитки, закрепленной между спинами двух верблюдов, увидела *мальчика*, шагающего рядом с каким-то стариком, который не был похож на его родственника. Старик был в посеревшей чалме и выцветшем синем халате; от этого его лицо казалось сине-серым. А мальчик, наоборот, был бел, румян и очень ладен собой, правда немного грязноват и одет в рвань, из чего Надирь сделала вывод, что мальчик либо раб, и старик ведет его продавать, либо старик из жалости подобрал мальчика и теперь не знает, что с ним делать. В любом случае, Надирь собиралась это исправить! Она была смелой и решительной и, я уверен, что Надирь заслуживала бы отдельной книги!

Так вот, она повелительно приказала старику приблизиться и привлекла к себе мальчика. С мгновения, как их глаза встретились, всё стало *иначе!* Мальчик, до этого хмурый и неулыбчивый, вдруг посветлел, стал улыбаться и смотрел в её глаза, словно на всём свете не было ничего, кроме них. Глаза Надири были удивительного прозрачно-голубого цвета, каким может быть только редкий алмаз. Ни глубина моря, ни высота неба не дадут такого оттенка, – только самый редкий голубой алмаз! И именно поэтому принцесса Надириад славилась своей красотой. А в остальном, выглядела она и сложена была довольно просто – как богиня.

Надирь сняла и выбросила грязную одежду мальчика на голову старика. Тот подхватил её на бегу, размахивая руками, пытался что-то объяснить на непонятном языке. Было件нятно, что он не зовет на помощь и не обвиняет никого в похищении, но Надирь уже никого не слушала. Она только приказала принести много чистой воды. Путешествовала она со слугами, и те тотчас исполнили ее указание. Несмотря на то, что вода была на вес *золота*, она усадила мальчика в серебряный таз и, напевая какую-то детскую песенку, начала омывать его водой, натирая мягкими белыми платками, которые сняла со своей груди, обнажив её. Они смотрели в глаза друг другу и были счастливы.

Старик тем временем продолжал бежать за с верблюдами несшими кибитку, выкрикивая что-то старческим слабеющим голосом, пока Надирь не кинула вслед грязной одежде золотую монетку, после чего старик отстал, жалобно стонав одно слово «*Жуан, Жуан*».

Надирь, услышав это последнее сказала:

– Я буду звать тебя *Хуан!* – наверное, ей так было проще произносить это имя.

Путешествие потекло своим чередом. Для Хуана и Надири оно стало самым прекрасным временем их жизни! Они смеялись и целовали друг друга непрерывно, как дитя целует мать, или сестра – брата.

Вот и конец первой главы! Замечательно, не правда ли!? Вы ожидали чего-то другого? Тогда можете закрыть эту книгу, она определенно не для Вас!

Ах, да! Я забыл рассказать, почему Хуан жил во все времена! Звучит странно, не находите? Я всё думал, как мне это объяснить, и потом вспомнил про Надири. Дело в том, что когда Хуан вырос, они любили друг друга. При этом Надирь несколько не состарилась. Вы скажете «такого не может быть!»! А я вам отвечу, что это всего лишь *сказка*, и как сказал Хуан ибн Куку «*те, кто верят в сказки вовсе не дураки, потому что дураки те, кто в них не верит!*»

Конечно я не держу тебя за дурака, Друг Мой! Поэтому объясню, что к чему: просто в этой сказке, как в жизни, а в жизни всё, как в этой сказке: если человек *старик*, то он *старик* навсегда, только в жизни он помрет, а в *этой* сказке нет; он как родился в ней стариком, так им и останется. Умереть в ней он может только, если вдруг сделает что-нибудь плохое, и *кто-то* или *что-то* решит покарать его за это смертью. Может быть, конечно, он отделается только тем, что его лягнет ишак, или плюнет верблюд, но этого никто не знает.

Вот и Надирь была, есть и будет всегда молодой и красивой. А Хуан вырос потому, что ему суждено было вырасти в этой сказке, прямо как в жизни, и вырос он может быть потому, что встретил Надирь, а так остался бы мальчиком, и бродил бы со стариком по пустыне с караванами всю жизнь. Но тогда, наверное, он встретил бы другую Надирь, и была бы другая сказка, а в этой сказке он встретил именно *эту* – нашу Надирь, и поэтому сказка получилась вот такой, и её кто-то запомнил и записал в книгу, которую я купил у торговца, имя которого, я так и не узнал, о чем очень жалею, и теперь пересказываю её тебе; а ту *сказку*, может быть, никто и не запомнил бы и не записал, потому что она была бы неинтересной, и мальчика бы звали не Хуан, и принцессу не Надирь!

Надеюсь, что ты теперь понимаешь, почему Хуан ибн Куку, книгу о приключениях которого ты держишь в руках, *жил во все времена*, и теперь тебе предстоит узнать, что он ещё самый Великий и Прекрасный Путешественник, который побывал всюду, и узнаешь, как он переплыл все Моря и Океаны, обладал всеми богатствами мира, но порой не имел при себе даже ломаного гроша, имел дворцы, но ни в одном из них не жил ни одного дня, и каждый день ночевал на краю земли; лично был знаком со Смертью и однажды обманул самого Дьявола!

Послесловие главы первой

Как известно, все хорошее когда-нибудь заканчивается. Вот и нашим героям – Надириад и Хуану, пришлось расстаться. Почему это произошло и при каких обстоятельствах, я расскажу в последующих главах. Или, что ещё лучше, постараюсь вообще об этом не рассказывать и больше не вспоминать, так как такие вещи, как расставание не проходят бесследно ни в жизни, ни в сказках. Мне, как исследователю жизни Хуана ибн Куку, кажется, что после расставания с Надирь, Хуан долгие годы носил на своем сердце печать печали, которая повлияла на многие его поступки и становилась причиной многих событий, тоже печальных. Про них, по возможности, я тоже постараюсь умолчать. Вот и эту главу мы не будем начинать с грустного расставания Хуана и Надириада, чтобы не наскучить тебе, Мой Друг, и чтобы ты не подумал, что я нарочно таким образом привлекаю тебя к чтению этой книги.

Сразу скажу тебе, что Хуану вновь доведется встретить Надириада. Ведь, как я уже говорил, что когда Хуан подросток и они любили друг друга, а значит, их любовь была бы невозможна без встречи! Хотя, конечно, любовь возможна всегда и при любых обстоятельствах, даже если вы находитесь друг от друга на разных концах Вселенной и больше никогда не встретитесь, любовь все равно есть и никуда не денется!

Вот мы и подходим к тому моменту, которое повлияло на судьбу Хуана так же, как и встреча с Надирь – это *расставание* с нею.

Забавно, не правда ли? *Встреча и расставание всегда рядом и всегда судьбоносны* (глава XXV, десятая строчка сверху в книге Хуана – прим. авт.) Ведь если бы была только встреча без расставания, то не было бы всей этой печали и череды событий, которые были ею вызваны, не было бы исканий и приключений и этой истории!

Поэтому я хочу тебе сказать одну очень важную вещь, чтобы ты запомнил ее на всю жизнь: в своей жизни мы ничего не теряем! Лишь только, словно ставим на полку, прочитанную книгу, чтобы потом перечитать снова, когда наступит свое время!

Давай я объясню тебе, что я имею ввиду, это, поверь, очень важно!

Ты любишь пить сок? Думаю, конечно, любишь! Ты можешь выпить целый стакан одним махом? Конечно, можешь! А можешь пить сок целый день без перерыва? А неделю? А целый месяц? Думаю, что нет. Я тоже раньше пил сок одним махом целыми стаканами, но теперь я стараюсь пить маленькими глоточками! В память об истории встреч и расставаний Хуана и Нириады мне так хочется, чтобы они так же часто встречались, как и расставались! Так что поставь сок в холодильник – допьешь его потом! Выпей лучше молока или сделай какао себе и маленькому братику или сестричке.

Думал ли, знал ли Хуан, что расстанется с Нириадой? Нет. Одна Нириада с самого начала знала об этом, и знала точно, с того момента, как вытянула маленького Хуана из рук старика в серой чалме и выцветшем халате. В ночь перед расставанием она прошептала ему слова:

«Я буду всегда где-то рядом с тобой! Ты всегда сможешь меня увидеть! Ты всегда сможешь прикоснуться ко мне! Я буду являться тебе в разных обликах и под разными именами. Ты будешь меня спрашивать о нас, но я буду отвечать, что ничего не помню, и смеяться твоим словам, буду не похожа на себя, но, поверь, это всегда буду я!»

Глава 2

В этой главе ты узнаешь про старика Абдурахмана Абу-Сингха и о том, как Хуан получил свое второе имя.

Каир

Итак, в начале этой главы мы находим Хуана одиноко стоящим на площади Каира. Такого же одинокого, как и в первой главе, – забавно, не правда ли? Так и в жизни, каждая её глава начинается с *одиночества*. Ты, конечно, возразишь и скажешь, что человек не может быть одинок, ведь вокруг столько людей! Вот и Хуан был не один в караване, в нем было много людей, как, например, в городе, который окружает тебя в данную минуту, был, в конце концов, старик, который вел Хуана за руку. Ты прав, конечно. Очень хорошо, что ты так думаешь! Только мне придется сказать одну вещь, которая может расстроить тебя: дело в том, что все в этом караване были одиноки, несмотря на то, что были все вместе. Конечно же кроме тех, кто был со своей семьей!

Семья – это самое главное в жизни, самая прочная защита от всех невзгод! Те, у кого есть семья – самые счастливые люди на земле!

Но вернемся к Хуану, одиноко стоящему посреди толпы в центре Каира.

Нужно ли говорить о том, что город произвел на него неизгладимое впечатление своими красками, запахами, криками, смехом, музыкой и всем остальным. Это на какое то время отвлекло его от мыслей о Нириаде: сначала на год, затем на два, потом он вспоминал о ней уже совсем редко, разумеется, до того момента, пока не встретил её снова (не будем забывать об этом). За это время он повзрослел, набрался сил и опыта, стал известным, потом стал *неизвестным* (это, как он понял, лучше, чем быть известным); приобрел друзей, врагов, научился зарабатывать деньги и научился их тратить, хотя, как он говорил, *деньги ему были нужны для того, чтобы научиться жить потом без них, а до тех пор не умереть с голоду и не позволить умереть кому-либо еще!*

Я не думаю, что Хуану пришлось воровать, хотя многие этим промышляли в ту пору, и для многих это был единственный способ прокормиться, но и наказание за это было жестоким. Не думаю, что Хуан не воровал только потому, что боялся наказания. Нет! Думаю, *он просто всегда знал, что не станет терять время, занимаясь выживанием за счет воровства.*

Вторая часть, впрочем, начинается не только с одиночества, как первая, но и со старика. Конечно, не того в серой чалме, а другого. Имя его Аба Абдурахман Абу-Сингх, или просто – Абу-Сингх, это не важно. Всем так он представлялся, но просил называть его по-дружески – Аба, но за глаза все называли его «Абдурахманом».

Ты знаешь, пока я писал эти строки, я получил одно неприятное известие, которое напомнило мне о нем, – как будто пришлось кстати. Вот и нашему герою довелось сойтись и даже сдружиться с ним и потом поведать немало неприятностей, которые проистекали корнями из дружбы с этим с виду приятным старичком Абдурахманом.

Аба Абдурахман знал всех, и все знали его. Он каждое утро спешил по делам, даже если никто еще в это время не работал, а лишь отдыхал в таверне после сытного завтрака. Своим бойким видом на всех он наводил скуку.

– Доброе утро, *уважаемые!* – приветствовал он на ходу сразу всех своих знакомых и незнакомых, если они сидели вместе, тогда, как было принято здороваться только с теми, кто тебе знаком, а с теми, кто тебе знаком не был, сначала принято было знакомиться. Эта *небрежность* приводила всех в недоумение!

– *Вы* еще отдыхаете после утрешнего щербета? А я уже ни свет ни заря на ногах! Столько дел, столько забот! – причитал он, обращаясь сразу ко всем присутствующим.

Старик Абу-Абдурахман имел осведомленный загадочный вид и постоянно еле слышно причмокивал губами. Иногда только лишь это причмокивание было единственным признаком его присутствия или внезапного появления, так как он всегда появлялся незаметно, и лишь иногда появлялся нарочно шумно, волоча ноги для того, чтобы обозначить свое приближение, чтобы люди смогли к нему подготовиться и поприветствовать его. А так Абдурахман появлялся всегда незаметно, чтобы чего-нибудь случайно *вынюхать*, и сидел где-нибудь в уголке незаметно, чтобы чего-нибудь *выслушать*, после чего также незаметно исчезал, чтобы донести слухи до того, кому это могло быть интересно, и кто смог бы *отблагодарить* старика Абу-Сингха за такую услугу, но, как говорил Хуан ибн Куку, —

«благодарить за сплетни – дело неблагодарное!»

Все хотели отделаться от него простым угощением, но старик от них яростно отказывался, ссылаясь на то, что сладкое и соленое ему вредно. И только потом всем становилось *понятно*, что старику нужно нечто большее – он хотел для себя *Выгоды*.

Сначала ему были все рады: рады были принимать у себя в доме, слушать его рассказы вперемешку со сплетнями, но потом все это стало докучать, и все почувствовали, что словно весь город погряз в его сплетнях, которым нет конца и края, из которых никак не выбраться. Это стало всем в тягость. Теперь появление Абу-Сингха не предвещало ничего хорошего: у всех падало настроение на оставшийся день, все старались его спровадить прочь, закрывая перед его носом двери или передавая через слуг, что не могут принять его. И от этого сплетни Абу-Сингха становились еще более изощренными и злыми. А *Выгоды* для него всё как не было, так и не было.

В один прекрасный момент Абу-Сингх занялся торговыми операциями, в которые втянул множество знатных горожан. Понадеявшись на его осведомленность, они давали свои деньги и подписывали векселя. «Такой проныра, как этот *Абдурахман*, вынырнет из любого болота или даже сливной ямы, не запачкавшись, и уж точно мои денежки никуда не денутся, ведь Аба ходит всегда мимо моего дома, и ежели чего, я прикажу своим рабам его схватить и спустить с него шкуру!» – так думали они.

Только вот Абдурахман все реже появлялся на улицах. Теперь, обстряпывая свои дела, он все больше пропадал в конторах и министерствах, дальше которых дела не шли, ведь там сидели такие же, как и он, *пройдохи* – нищие и злые служащие, за спинами которых висели огромные печати падишаха и частичка его власти! Они с завистью смотрели на этого старикашку, который осмелился пытаться вырваться в люди! Они с удовольствием выслушивали его сплетни и пользовались ими во вред самому Абу-Сингху, который не понимал, *как его сплетни могут обернуться против него?!* В конце концов, дела так и остались незаконченными: знатные горожане получили назад свои закладные, векселя и прочие *«ценные бумаги»*, на которых было написано, что эти бумаги стоят много денег, за которые знатные горожане заплатили *много золота*. Эти ценные бумаги надолго осели в их шкафах и со временем запылились. Не выбрасывали их только потому, что на них стояла печать Падишаха, а значит,

и кусочек его беспредельной власти. Со временем эта история забылась, и Абу-Сингх снова появился на улицах, приветствуя знакомых и тех, кто его еще не знал:

– Добрый день, *многоуважаемые!* Сидите, курите кальян? Завидую вашему *положению!* А я вот уже ни свет ни заря, а во рту маковой росинки еще не было! Да, и курить кальян мне вредно. Я слышал, что от этого можно заболеть. Кстати, вы уже знаете, что скоро введут новый налог на лошадиный навоз? Все обязаны будут платить за очистку улиц города от лошадиного навоза. Потом еще слышал я, обложат налогом и верблюжий навоз, а он еще более вонючий! Но это будет не скоро, не волнуйтесь! Приятного *аппетита*, многоуважаемые!

А что случилось с *золотом?* – спросишь ты. Этого никто так и не узнал. Думаю, что оно осело в карманах Падишаха. Абдурахман наверняка знал об этом, но помалкивал до поры до времени. Более того, он, скорее всего, знал, как пробраться к этому золоту, но для этого ему нужен был помощник: человек новый и чистый, которого никто не знал бы, и который не знал бы всю эту грязную историю про деньги. Вот поэтому, как ты понимаешь, их встреча должна была состояться.

А было это так.

– Что же ты стоишь на дороге, мешаешь людям ходить? – бойко прокричал старик Абу, увидев Хуана. Затем, присмотревшись, он сменил тон на более мягкий:

– Кроме того, тебя может сбить арба или всадник на лошади, может лягнуть мул или плюнуть верблюд! Мало ли чего может произойти! Сойдем с дороги, мой друг!

Да-да, именно так в книге была описана их встреча! Тебе ничего она не напоминает? Ну, конечно же! Уличный торговец, который продал мне книгу!

Как говорил Хуан ибн Куку Великий и Прекрасный – *свойственно торговцам и хитрецам скоро и запросто называть людей своими друзьями!*

Я от себя добавлю – если незнакомец назвал тебя вскоре после знакомства *Другом* – будь готов к тому, что *вскоре* же он попросит тебя о дружеской услуге!

У тебя есть вопрос? Спрашивай! Ты, наверное, хочешь спросить – как различить настоящего друга от ненастоящего, да? Как я догадался? Ну, это же так очевидно: после семьи в жизни самое главное – это Друг!

Отвечу коротко, как отличить настоящего друга от ненастоящего: друг не попросит ни о чем, никогда!

Именно таким другом был для всех Хуан ибн Куку! Он не просил никогда ни о чём, но делал всё, о чем его просили, так как всех считал своими друзьями! Я стараюсь поступать так же, как он, но у меня это пока что не всегда хорошо получается. У него это получалось лучше всех!

Вот так Хуан повстречал старика Абу Абдурахмана Абу-Сингха!

Всегда, когда люди стоят на обочине дороги, то, как правило, *один* из них решает, в какую сторону он поведет другого, и этого не произойдет, если оба *уже идут* в одном направлении (как это было в караване с Нириадой, например).

Но Хуан об этом еще пока не знал. Через многие годы, стоя под парусом на палубе быстрой шхуны, он окончательно понял эту истину: *двое не могут плыть на одном корабле в разные стороны!*

Ветер Абу-Сингха наполнил паруса Хуана – скажем так.

– Как зовут тебя, *о юноша?* – спросил Абу-Сингх.

– Хуан.

– И всё? – удивился старик.

– Да.

– Ну, вот меня зовут Аба ибн Абдурахман ибн Абу-ибн-Сингх! – он нарочно вставлял «ибн» перед каждым именем, чтобы было звучнее.

– *Сие* означает, что я Аба – сын Абдурахмана сына Абу сына Сингха! Сиречь мои пращурь и мои предтечи! – вознесся старик, гордясь собой и своими пращурами.

– Я не знаю, чей я сын! Я знаю только одну... – Хуан хотел было произнести имя Надириад, но осекся, не зная, как продолжить – к его горлу подкатил комок, еще немного и... Если бы он произнес ее имя, было бы совсем все плохо! Об этом он тоже не знал!

Как же плохо ничего не знать.

Лучше тогда больше молчать.

А старик уже не мог просто так стоять на месте, и тут же его понесло:

– О, великий всемогущий, всемилостивый Аллах! Что же творится под солнцем твоим! Бедные дети не знают родства своего и племени! Носит их по свету! *Бедное, бедное* дитя! – причитал он громко, так, что прохожие останавливались.

Кстати сказать, Хуан не был сирота! У него была *мама*, каждый день она покупала газеты, в надежде узнать что-либо о сыне, и молилась о нём! Каждый день! Был у него и отец, который бороздил моря на быстросходной шхуне «*Жюан*», в надежде отыскать сына!

Сейчас ты можешь просто взять и позвонить маме или папе, бабушке или дедушке и сказать, что ты, например, поехал в Африку или пошел в магазин за конфетами, и что скоро вернешься, а в сказке такое невозможно. Может быть просто потому, что никому в голову не пришла мысль придумать телефон? Но зато пришла мысль придумать ковер-самолет, хотя летать на нем совсем неудобно – нет мягкого кресла, и не с кем поговорить, и во время полета никто не принесет тебе вкусную газировку. Странно, не правда ли? Странно, что мы можем сделать в жизни то, что невозможно даже в сказке! Хотя всё должно быть совсем наоборот, не так ли? Так что, позвони маме и скажи, что у тебя все в порядке! А если твоя мама, вдруг, знает маму Хуана, то пусть она передаст ей, что и с ним тоже сейчас всё в порядке, что он родился под *счастливой* звездой, а сейчас вот стоит под зноем и разговаривает с каким-то старичком.

– Тебе нельзя жить без полного имени! – не унимался старикашка, – как ты будешь подписывать бумаги? Как ты собираешься вести дела и составлять купчие? Как ты собираешься без имени разбогатеть и взять в дом жену? Ни в одном суде ты не сможешь ничего оспаривать и выступать в свою защиту, если не имеешь имени!

– Я обхожусь прекрасно и без всех этих вещей! – ответил простодушно Хуан, но старик нещадно тащил наживку за крючок, так как увидел, что слова «*в свою защиту*» возымели действие!

Страх оказаться беззащитными заставляет нас брать на себя дополнительные обязательства, которые, как нам кажется, нас защитят, но они только все усложняют, — так написал Хуан в своих рассказах.

– Конечно, я мог бы дать тебе свое имя, но, боюсь, это пока не представляется возможным! У меня столь высокие покровители, и они не поймут меня! – говорил куда-то в сторону старик, изредка поглядывая на собеседника, хотя Хуан его уже не слышал, а думал о своих родителях, тщетно пытаясь что-либо вспомнить. Вместо этого в голове у него всплывала сказка про кукушку, которую Надири читала ему в своей книжке – единственная ценность, которой она дорожила! Сказка была о том, как кукушка подбрасывала своих птенцов в чужие гнезда, в которых её птенцы росли и, вырастая, вели себя, как другие птицы, не смотря на то, что

над ними смеются. Смысл сказки был в том, что какой бы ты птицей себя не считал, ты все равно будешь тем, кем родился. Хотя Хуан пока не понимал, какое отношение это может иметь к людям, ведь у людей нет расцветки перьев, таких разных когтей и клювов...

– Значит, родители у тебя того, *ку-ку*? – задумчиво сказал старик,

Хуан вздрогнул от этих слов!

– Нет! Это значит, что меня будут звать *Хуан ибн Куку*! – сказал юноша, и зашагал прочь.

И кто знает, как бы все сложилось, если каждый пошел бы своей дорогой? Но у дорог есть свойство переплетаться. Можно идти по ним в разные стороны, перескакивать с одной на другую, но обязательно мы будем с кем-то сталкиваться на этих дорогах – все мы по ним ходим в этой жизни и в этой сказке.

Послесловие к главе

Наверное, ты уже догадался, что я утратил ту книгу, которую купил у уличного торговца? Точнее, я отдал её в библиотеку одного города, которая очень пострадала от пожара, и в ней оставалось мало хороших редких книг. Когда я сказал, что у меня есть книга о приключениях Хуана ибн Куку, то смотритель не поверил своим ушам! Он был так рад и так долго тряс мою руку со словами благодарности, что мне пришлось с ней расстаться, хотя, честно говоря, я на тот момент еще не решил дарить её библиотеке. Вот такой был хитрый смотритель!

Но я помню практически все содержимое наизусть! Кроме того, у меня всегда есть возможность обратиться за помощью к тем, кому посчастливилось обладать одной из этих оригинальных книг. Сейчас я тебе о них расскажу.

Наверняка ты знаешь, что есть люди, которые изучают что-то очень пристально, и даже выбирают себе профессии, которые имеют название, похожее на предмет изучения: например, *толкиенисты* изучают работы писателя Толкиена, *чайковинисты* слушают только Чайковского и пьют только чай. Но бьюсь об заклад, что ты никогда не встречал *хуанибнкукуинистов*! Можешь поверить мне, что они есть, хоть и не называют себя так! Например, вот *шерлокохолмсинисты* всегда спрашивают себя: «А как бы на моем месте поступил Шерлок Холмс?» Вот и хуанибнкукуинисты задают себе точно такой же вопрос: «Как бы поступил Шерлок Холмс на месте шерлокохолмсиста?» – это шутка, конечно!

Мы – исследователи приключений Хуана ибн Куку – точно знаем, как бы он поступил в той или иной ситуации, и поступаем так же, как он! Этим отличается профессиональный хуанибнкукуинист от непрофессионального – мы точно знаем! Нас мучает только одна загадка: как сам Хуан ибн Куку знал, какие решения принимать и как поступать, ведь его никто не учил! Ответ на этот вопрос очень прост, и, позволь, я отвечу на него словами самого Хуана ибн Куку:

«Я никогда не разрывался между долгом и желанием делать что-либо, поэтому для меня всё было едино – я хотел сделать то, что был должен и должен был делать то, что хотел».

Ты знаешь, я часто рассказывал про его приключения взрослым, и они постоянно спрашивали: «почему он поступил вот так, хотя можно было *вот так* или *так вот*?» Их слова вызывают у меня улыбку! Они думают, что если всегда поступать, думая о себе наперед, то будет хорошо! Конечно, думать наперед нужно, когда ты собираешься надеть пальто, если на улице прохладно, или берешь с собой зонт, если обещали дождь и ты не планируешь промокнуть. Хотя всегда можно где-нибудь согреться или укрыться от дождя и, поверь, что так будет гораздо интереснее, и это будет всегда маленькое приключение. Хуан ибн Куку всегда думал о других, когда собирался поступить так или иначе.

Как бы тебе объяснить?

Вот, если бы у него был братик, то он проследил бы, чтобы тот надел пальто, если на улице холодно, и дал бы сестренке зонтик, если обещали дождь. Понимаешь?

И ещё взрослые спрашивают меня, почему я так подробно обо всем пишу? Где погони, приключения и тому подобное, и зачем я пишу такие длинные предисловия? Смешные взрослые, не правда ли? Всегда торопятся куда-то и никогда не успевают! То ли дело мы с тобой, сидим и беседуем! Жаль, что я не могу отвечать на все твои вопросы...

Глава 3

В этой главе ты познакомишься с Госпожой Ну. Узнаешь, как Хуан попал в плен, удачно из него высвободился и начал путешествовать по свету.

Хуан влюбился в суетливый поток Каира. Самым ходовым товаром была пресная вода. Все с удовольствием воду пили и запасали впрок, но почему-то считалось зазорным и недостойным горожанина занятие развозчика воды. У всех, как им казалось, были более важные дела, поэтому к ним всегда было легкое пренебрежение, когда сталкивались в суматохе с их телегами и бочками на городских улицах. Но все помнили о том, как страшна жажда и засуха, и всегда беспокойство людей проходило, когда они встречали на улице развозчика воды – это означало, что жажды не будет и жизнь продолжается.

Аба Абу Сингх помог Хуану раздобыть тележку с бочкой, и Хуан принялся за работу. Ему доставляло радость и удовольствие привозить воду, и люди, видя добрый нрав Хуана, полюбили его. Все узнавали его на улице, издали здоровались и никогда не прощались, а только говорили «до завтра» или «до свидания»! Платили за такую работу немного, но всегда можно было ждать угощения свежей лепешкой или гроздьем винограда, стаканом щербета или чая. Аба Сингх говорил, потирая руки, о том, какая сладкая жизнь у них начнется, когда придет засуха: «Главное в это время иметь воду, а не то могут и поколотить!»

Как я уже сказал, все любили Хуана, и каждый считал своим долгом посоветовать ему что-либо полезное, что может пригодиться в жизни. Но в основном делали это для того, чтобы избежать платы за воду сейчас или потом – это не важно, или, по крайней мере, сделать Хуана чем-то обязанным и, пока Хуан был молодой, он этого, конечно же, не понимал. Но из интереса он прислушивался, и, по совету умудренных опытом людей, решил попробовать выбрать путь, один из тех, что выбирают другие.

В один голос все, первым делом, пророчили ему военную карьеру: «Иди в гвардию, Хуан, будешь всегда в почете и при деньгах! Женишься выгодно!» Хуан пошел на призыв, и пока ждал своей очереди, решил зайти утолить жажду в ближайшем шалмане. Там сидели три генерала. Один говорит: «Я потерял тысячу человек при штурме города». Второй ему отвечает: «Это что! Вот я потерял десять тысяч человек при штурме крепости, но крепость взял!» Третий генерал сказал: «А я не потерял ни одного солдата, а только лишь вежливо попросил, и крепость мне сдали без сопротивления», и через какое-то время упал отравленный. Хуан решил подождать с военной карьерой.

Затем Хуану посоветовали стать врачом. Говорили ему: «Хуан, будешь уважаемым человеком и при деньгах! Женишься выгодно!» И он попросился в ученики к одному врачу-лечителю. Тот обрадовался, но прежде сказал: «Сначала клянись! Дай клятву: «Клянусь не лечить бесплатно. Клянусь не брать плату за лечение меньше, чем берут другие. Клянусь не давать врачебное зелье безвозмездно», и так далее. Хуан не смог произнести такие слова и вышел от врача в замешательстве.

Другие утверждали, что сперва нужно набраться ума и получить образование. «Иди учись, Хуан, в академию! Станешь мудрым, уважаемым, и делать тебе ничего не придется!» – так говорили они, и Хуан решил податься в ученики к великим мудрецам в академию.

Все занятия были похожи одно на другое. Мудрецы сидели на ковриках и с умным видом говорили: «Здесь нужна вот такая *цифра*, а вот здесь – такая *букфа*, это слово пишется вот так, а это – вот так вот». Вся их мудрость сводилась к умению без ошибок цитировать длинные строчки, написанные кем-то очень давно. Мало того, они считали, что все знания не имеют смысла, если ты не умеешь заткнуть рот собеседнику каким-либо умным выражением, а если

собеседник вдруг сомневается и противоречит, то в ход шли кулаки и посохи, на которые сии почтенные мужи обычно опирались, склонив на бок головы для пущей важности. Они прекрасно видели ошибки других и не допускали своих, а ведь, только имея возможности ошибаться, мы можем находить правильные ответы. По-моему, только ради восторга открывать что-то новое стоит становиться ученым или исследователем, ну, или путешественником.

Как-то раз Хуан брел со своей арбой в раздумьях, и тут перед ним появилась стража и велела ему следовать за ними в городской магистрат, где его сразу закрыли в клетку с другими такими же, как он, бедолагами. В клетке с ним познакомился вор, и они разговорились. Вор говорит ему: «Хуан, я могу обучить тебя воровскому ремеслу, будешь жить припеваючи, всегда монета будет в кармане, и голодным не останешься!» Хуан отказался, сказав, что это нехорошо, на что вор сказал ему:

– Чем же я плох, Хуан? Я, в отличие от врачей, не желаю, чтобы люди болели, и обогащаться на их болезнях! В отличие от законников и всех, кто питается этим злым хлебом, не хочу, чтобы люди попадали в беду и имели тяжбы, беднея; я не пожарный, чтобы поджигать дома для своей выгоды и мародерствовать на пепелищах; я не солдат и не хочу ради мира идти на войну убивать и грабить! Я не чиновник, который хуже чумы и пожаров. Я не торговец, который втридорога заламывает цену и, алчущий, чванствует, когда все вокруг беднеют! Я не церковник и не требую денег за обещания лучшей жизни в ином мире и отпущение грехов! Так чем же я плох, Хуан? Не знаешь? Ну, да я тебя не виню! Я хочу, чтобы все были сыты, здоровы, богаты и счастливы, тогда и я голодным не останусь!

Вскоре пришла стража, и Хуана отпустили. Ему дали какую-то бумагу и сказали, что он должен две монеты в казну. На этом все закончилось, а вора он больше так и не видел.

Хуан решил, что уж лучше будет возить воду, пока не разберется, кем хочет стать. Но судьбе виднее, и вот однажды случилось ему проезжать мимо дома госпожи Ну.

Госпожа Ну

В этот день госпожа Ну, как обычно для этого времени суток, пила щербет и поглядывала на улицу. Ей было интересно, кто с кем и куда идет, кто что несёт. Иногда она кидала со своего балкона куриную косточку уличным собакам и смотрела, как те из-за неё начинали грызться, а потом приказывала своим слугам беспощадно гнать собак палками. Или иногда бросала вниз, под ноги прохожим, мелкую монету и смотрела, как те начинали выяснять, кому она принадлежит, а потом всё также посылала слуг отобрать монетку: «Видите балкон госпожи Ну? Всё, что находится под ним со стороны улицы, принадлежит госпоже Ну – так гласит закон падишаха». Услышав такие слова, споры прекращались и народ разбегался – никто не хотел связываться с законами падишаха, хотя не было такого закона вовсе, а госпожа Ну его просто выдумала.

Честным людям законы не нужны, а кто знает законы лучше других, тот самый лучший вор – так потом записал Хуан.

На всякий случай госпожа Ну помечала все свои монеты крестиком, чтобы можно было доказать, что монета принадлежит ей: «Это моя монетка! Верните её бедной вдове! Я случайно выронила из своих рук! На ней нацарапан крестик! Расходитесь, голодранцы!» – кричала она.

И надо же было случиться такому – от тележки Хуана отвалилось колесо прямо под балконом госпожи Ну! Не в силах один поднять арбу, Хуан стал раздумывать, что же ему теперь делать. Тем временем госпожа Ну зорко наблюдала за ним со своего балкона, укрывшись за резными ставнями. Никто из прохожих не захотел помочь развозчику воды. Тогда Хуан решил, что нужно раздать воду бесплатно. Желающих собралось много, и бочка с водой стала быстро терять в весе! Госпожа Ну приказала слугам выйти и взять побольше воды задаром. Слуги вышли с ведрами и принялись сливать воду из бочки. Хуан и все ждавшие своей очереди были поражены такой наглостью слуг. «Чьи это слуги?» – раздались недовольные голоса. «Видите балкон госпожи Ну? Всё, что находится под ним со стороны улицы, принадлежит госпоже Ну!

Так гласит закон падишаха!» – раздался знакомый многим ответ, после которого многие начали расходиться.

– Идите и ждите, когда под вашими балконами сломается арба извозчика воды! Если у вас конечно есть балконы, голодранцы! – раздался сверху бас госпожи Ну.

Хуан стоял в растерянности, не зная, что ему делать.

– Если ваша госпожа забрала себе всю воду, не заплатит ли она мне хотя бы половину? – спросил Хуан у слуг.

– Видите балкон госпожи Ну? Всё, что находится под ним со стороны улицы, принадлежит госпоже Ну, – таков был ответ слуг.

Хуан напряг все свои силы, одной рукой подняв за край телегу, надел отвалившееся колесо, взялся за оглобли и пошел прочь. Как назло, колесо отвалилось снова и прикатилось под балкон, прямо к воротам злополучного дома!

Только Хуан хотел подобрать колесо, как услышал крик Госпожи Ну:

– Эге-ге! А ну-ка, хватай его, волокни его, *вора!*

Из ворот выскочили слуги и скрутили Хуана. Затем перед ним предстала сама госпожа Ну. Была она толстая женщина преклонных лет, но не совсем старая, с нарисованными бровями маленькими хитрыми глазами и злым ртом.

– Мало того, что ты под моими окнами торговал водой, так ты еще ни во что не ставишь законы падишаха и ворует то, что принадлежит мне! Колесо твоей телеги уже два раза побывало под моим балконом, так что теперь оно по праву моё, как и твоя арба, ведь она *часть* этого колеса! Теперь, если ты хочешь получить назад своё, ты должен заплатить мне за телегу воды один динар и саму телегу четыре монеты серебром!

– Вода столько не стоит даже вместе с телегой! – ответил было Хуан!

– Последний раз я платила именно столько за воду в засуху!

– Но ведь, сейчас не засуха!

– Еще какая засуха, – ответила Ну и плюнула на землю, – вот смотри какая засуха! Все испаряется под этим проклятым солнцем, будь оно неладно, вот и в прошлый раз так было!

Так Хуан попал в плен к госпоже Ну.

Дом госпожи Ну

Начались дни Хуана в этом неприветливом доме. Весть о том, что водовоз попал в плен к госпоже Ну, разнеслась по городу и к ней перестали ходить тележки с водой, поэтому вскоре ей пришлось признать своё поражение, ведь настоящая *засуха* никогда не предупреждает о своем приходе!

Она вызвала Хуана и объявила ему:

– С сегодняшнего дня ты будешь работать водовозом на меня! Каждый день ты будешь продавать воду, и привозить ещё одну арбу воды мне в мой опустевший фонтан, и так отдашь свой долг. А до этого времени будешь жить во дворе моего дома, да ещё чинить фонтан, пока он не заработает! А потом, можешь идти на все четыре стороны!

Хуан понял, что он уже не в положении пленника и, по крайней мере, у него теперь будет крыша над головой.

Как вскоре выяснилось, жизнь везде имеет свои прелести, и даже здесь! Госпожа Ну любила спать днём до самого вечера, и в это время слуги могли вздохнуть спокойно – все выходили из комнат и сараев, где работали, из кухни выносили стаканы с чаем, и начинались беседы. За разговорами все понимали, как сильно госпожа Ну настроила всех друг против друга, заставила клеветать и бояться быть оклеветанными. Даже суровые охранники менялись в лицах и ласково беседовали с остальными слугами – все старались за это короткое время подольше побыть нормальными людьми.

Во время этих чаепитий Хуану удалось получше узнать слуг госпожи и расположить их к себе – это ему удавалось без труда, потому что он *всегда оставался собой и никогда не ставил*

себя выше других. Пригодились ему в этом и сказки, которые ему читала Надирь из своей маленькой книжки, которые он теперь пересказывал во время этих чаепитий.

Весь день он ходил по городу со своей арбой, а к вечеру привозил еще одну бочку воды и выливал в фонтан, который упорно не хотел работать. Хуану пришлось изучить его строение и устранить неполадки – все оказалось проще, чем он мог себе представить, и фонтан заработал! Теперь, ощущения приближающейся свободы Хуан почувствовал как никогда сильно! Он было уже начал собирать свои вещи и заводил разговоры, как будто уже скоро ему предстояло со всеми расставаться, но всякий раз разговоры не клеились, и Хуан начал подозревать неладное.

– Салим, помнишь я рассказывал сказку про золотые яблоки? – шутливо обратился как-то раз Хуан к слуге, охранявшему внутренний двор дома, – скоро я тебе привезу парочку! А знаешь, еще лучше – мы вместе с тобой найдем их и наберем целую гору! Главное не надорваться. Понимаешь, к чему я?

Салим был поразительно силен и мог на своих плечах оторвать от земли лошадь. Конечно, он понимал, о чем говорит Хуан – вдвоем они смогли бы поднять в несколько раз больше, чем если бы Хуан собирался унести что-либо один! Но Салим, ставший уже приветливым к Хуану, невесело посмотрел в сторону и сказал, опустив глаза:

– Да-да, – это был его любимый ответ на всё.

Хуан не придал этому значения. Салим мог быть не в духе, но все-равно ответил бы «да-да».

– Анаб, я принес тебе сегодня букет горного шалфея, – обратился Хуан к кухарке, – я буду вспоминать с благодарностью тот чай, которым ты меня всегда щедро угощала! Вкуснее чая я не пробовал, и буду долго помнить его вкус!

Анаб была мудрая женщина, служившая в доме госпожи Ну, сколько себя помнила. Она ответила ему:

– Боюсь, мой дорогой Хуан, ты еще не испил всего моего чая, и его вкус тебе еще не так не успел надоесть, как нам.

Хуан не придал и ее словам значения, и только вечером припомнил их, увидев Анаб с крыши, – она посмотрела на него и сразу отвела взгляд в сторону. Чем больше он повторял их в своей голове, тем сильнее ветер сомнений задувал поселившийся в сердце Хуана огонек предстоящей свободы.

А вот что произошло вечером того же дня.

– Хуан! – раздался откуда-то голос Сю-И, рабыни из личной прислуги госпожи Ну. – Ты здесь? Поддай голос! Не ищи меня! Просто скажи, что ты здесь! Слушай! Завтра уходи в город с арбой и не возвращайся! Заклинаю тебя – не возвращайся сюда!

Хуан погрузился в тишину ночных цикад под мириадами звезд, так и не проснувшись. Он любил спать на верхнем ярусе каменной ограды, на нагретом за целый день солнцем полу. От ветра его защищала каменная стена, а с другой стороны ни чем не огороженный ярус выходил в сад, деревья которого тянулись к нему своей листвой и ароматами. Слева и справа были возведены башенки на подобию крепостных, узкие окна которых были украшены резными ставнями, а внутри находились винтовые лестницы, ведущие на нижние ярусы и тайные коридоры в стенах. По этим лестницам Сю-И приходила к Хуану, но на этот раз даже не раскрыла ставни, разговаривая из-за них.

На следующее утро он встретил Сю-И на кухне всю в слезах – увидев его, она, всхлипывая, убежала. Хуан лишь вспомнил, что, кажется, Сю-И приходила к нему во сне и говорила что-то, а он так ничего ей не ответил.

Наступивший день выдался на славу жарким и очень удачным для заработка. Хуан встретил в городе почти всех своих знакомых, и даже Абу Сингха. Было много радости от этих

встреч. Но *радость живет по соседству с печалью, и печаль заходит в гости на шум смеха и веселья.*

Вот и Хуана по возвращении ждал неприятный сюрприз. Сразу с порога на него накинули кандалы и приковали к фонтану, который он своими руками с трудом и любовью всё это время чинил. Какая ирония, не правда ли? С любовью возвести что-то ради свободы, а в итоге своими руками построить себе тюрьму и быть прикованным к ней...

Вокруг фонтана начали собираться обитатели дома госпожи Ну. Никто не подходил близко, словно ожидая чьего-то появления, молчаливая обстановка наполнялась свинцовой тяжестью, предвещая беду. По лицам собиравшихся Хуан понял, что случиться может всё, что угодно. И, наконец, из своих покоев принесли госпожу Ну. Она торжественно встала из своего кресла и начала произносить, как всегда, несвязную злую речь:

– Ты обманывал меня всё это время! Ты объедал меня! Я не знала от тебя покоя, от тебя был один шум! За это ты заплатишься! Не видать тебе свободы! Я требую компенсации за свои неудобства! – и в том же духе продолжала она.

Все отводили глаза в стороны и опускали головы, и только Сю-И смотрела на Хуана заплаканными глазами, словно говоря – «Видишь теперь, за что я получила такую взбучку? Я пыталась предупредить тебя, а ты спал, как дитя! *В доме, где тебя держат за невольника, нельзя спать, как убитый накануне своего освобождения!*»

Может, ты скажешь, не слишком ли много Хуан прочел в её глазах? Ну, если бы Хуан испытывал только одно сожаление, что Сю-И пришлось из-за него только плакать, то он, наверное, не понял бы, что ему теперь делать! Хуан осознал, что ради него Сю-И рисковала всем и, может быть, даже своей жизнью, а он подвел её, и сейчас стоит беспомощный, позволяя госпоже Ну торжествовать над ними всеми! Нужно было что-то делать! Что-то срочно предпринять, иначе будет *поздно!*

Как бы ты поступил, мой друг? Выхватил бы меч и сразил бы всех врагов? Конечно, ты прав, нужно сражаться, но только когда у твоего врага в руке меч, как и в твоей. А что делать, когда на твоей шее уже стянули железное кольцо, скованное цепью?

И вот, что сделал Хуан. Когда госпожа Ну закончила свою речь, Хуан тут же сразу, как бы её продолжая, начал говорить:

– Госпожа! Я не думал, что так всё получится! Я стыжусь того, что причинил вам столько забот! Стыжусь еще больше, потому что не знал, как найти мне слов, чтобы просить вас оставить меня при вашем дворе и при вашей милости, ибо полюбил вас, как свою родную мать, которой не знал вовсе! Позвольте остаться при вас!..

Стоит ли говорить, что все были в полном недоумении! Речь Хуана была громом среди ясного неба! Все стояли, раскрыв рты, а Хуан говорил и говорил, стараясь подбирать слова. Он понимал, что если сейчас остановится, то его речь может не возыметь другого воздействия, кроме как короткого шока, за которым не последует ничего, поэтому он с ужасом для себя продолжал:

– Позвольте же мне остаться при вас, до конца *ваших* дней, и просить руки вашей единственной племянницы, и дать нам то *приданое*, которое за нее было *обещано* вашим покойным мужем *над прахом* своего брата – отца *моей* невесты!.. Мы будем счастливы с ней *в вашем* доме! У нас будет *много* детей, будет *счастливо*, будет *в нашем* доме радость и много *лет* вам и нашим детям...

Хуан продолжал говорить, говорить, и говорить уже мало связанные слова, какие говорят обычно влюбленные женихи. Лицо госпожи Ну вытянулось, беззубый рот превратился в черную дыру и скосился в сторону. Такое лицо может быть, только когда человеку объявляют смертный приговор. Она хотела его перебить, но от такого поворота событий у нее просто

перехватило дыхание! Она рукой нащупывала позади себя кресло, пытаясь сесть, и, отдышавшись, продолжить отбиваться от Хуана. Но, как только тяжело дыша, она села, Сю-И поднесла ей в стакане еще не остывший крепкий чай и буквально стала заливать его в перекосившийся от злости рот. В то же самое время все присутствующие начали радоваться, кричать, поздравлять друг друга с предстоящей свадьбой, ведь все были уверены или почти уверены, что племянница госпожи Ну с радостью согласится выйти замуж за Хуана, так как, вероятнее всего, она была тайно в него влюблена, потому что разве можно было его не любить!? Этого даже представить никто не мог!

Тем временем, в этой радостной суматохе Сю-И со всей накопившейся за долгое время жестокостью поила госпожу Ну горячим чаем, и никто не замечал в вечернем свете и мерцании факелов, что госпожа Ну вот-вот захлебнется!

Ну, что, мой дорогой читатель, напоим госпожу Ну до-смерти кипятком или оставим жить? Конечно же, Сю-И – не убийца! Она никогда ею не была, как, например, те женщины из клана Ли-Тон-Ы, у которых Хуану как-то довелось находиться в плену. Конечно, они были наемными убийцами древнего клана «Болотной Розы» и другой жизни не знали, и, конечно, это их не оправдывает, но...

В чем дело, почему ты так удивился?

Как? Разве я ещё не рассказывал эту историю, в которой Хуан сначала был у них в плену, потом был их гостем, потом стал им мужем, а затем стал Императором клана Ли-Тон-Ы, чтобы потом совершить дворцовый переворот в Сиамском дворце? О, это очень интересно и, возможно, с этого и надо было начать! Хочешь, я расскажу эту историю? Ну, слушай!

Дело было так. Однажды, похитив судно с опиумом у англичан, Хуан со своим экипажем судна «Хромая Лягушка» прибыл на Сиам, чтобы обменять на опиум томившуюся в ожидании выкупа дочь морского пирата, прекрасную принцессу и возлюбленную Хуана – Шамбалу. По прибытию они отправились в квартал бань и опиумных притонов Сяо-Лянь. И вот, в заведении «Золотая обезьяна» они наткнулись на тех самых англичан, у которых украли судно с грузом! Представляешь, как же тесен мир морских разбойников – и в море им не разойтись, и на суше не затеряться друг от друга! Англичане, как раз в это время и в этом месте, нанимали сиамских пиратов из клана «Зеленый петух», чтобы их руками отомстить Хуану!

Впрочем, давай я дорасскажу, чем закончилась история в доме госпожи Ну, ведь в ней осталось много людей, ожидающих своей дальнейшей судьбы – старая Анаб со своим рецептом вкусного чая, простодушный охранник Селим с огромным нерастраченным добром в сердце, в конце концов, служанка Сю-И, тратящая свою молодость и не знающая, что за его стенами совсем *другая* жизнь, которую стоит прожить, а сейчас стоящая рядом с госпожой Ну и ожесточенно заливающая ей в рот горячий чай, который заварила старая Анаб по своему старинному рецепту с горным шалфеем, который принес Хуан накануне.

Дело вот еще в чем, осознав что происходит на их глазах, слуги госпожи Ну все, как один, уже были готовы в скором времени присягнуть своему новому господину – Хуану, мужу племянницы госпожи Ну и законному наследнику двух состояний некогда живых братьев Нурси, близких друзей и любимцев самого Султана, да продлятся его дни. Нужно сказать, что все это время Хуан являлся свободным человеком и не мог беспричинно находиться на цепи без предъявленных ему даже самых абсурдных обвинений. Кроме того, после таких официальных заявлений он не мог находиться на цепи вдвойне, так как *несвободный человек не может жениться* или даже помышлять о женитьбе, либо его невеста должна быть в кандалах и на цепи так же, как и он. Если предложение сделано, то кандалы нужно снять до принятия решения невестой или ее родственниками. Конечно, все понимали что единственный родственник племянницы госпожи Ну это и есть госпожа Ну, которая может и могла бы воспрепятствовать сва-

дье, но все же не могла это сделать по множеству причин: во-первых, не смотря на то, что Хуан хоть и свободный человек, но – бедняк, при его браке с племянницей госпожи Ну Хуан получил бы обещанное жениху приданное и не мог уже называться бедняком, и уже, как богатый жених, мог бы жениться и, следовательно, брак не считался бы неравным. Во-вторых, по неписанным законам восточного гостеприимства, свободный человек, находящийся в доме, принявшем его длительное время, считался почти членом семьи данного дома, и с ним следует поступать со всей ответственностью, как с равноправным, поэтому ему никто не мог заткнуть рот, удерживать против воли или выгонять из дому без тех вещей, с которыми он пришел, так как находясь в доме госпожи Ну, он отрабатывал долг госпоже, который признал, и не попытался сразу оспорить, и вот теперь, отработав долг и исполнив обещанное, Хуан имел право на голос и любое заявление, уже как свободный человек, находящийся под защитой этого дома и, практически, как член этой семьи. Именно об этом и было написано нотариусом в преамбуле брачного свидетельства, смысл которой я, как мог, только что описал. Поверь, мне самому гораздо сложнее было его понять, переводя арабскую вязь без единой запятой и точки, – она тоже была в книге, а сама история выглядела не так понятно, как я описал ее тебе. Там было написано Хуаном примерно следующее:

«Я произнес слова, что не хочу покидать дом по доброй воле, пока госпожа будет держать на меня обиду, и не хотел причинить неудобства и, пока госпожа не полюбит меня, как своего сына, ибо я полюбил ее, как мать, и хочу жениться на ее единственной племяннице (имени ее не сохранилось и в данном контексте оно не употреблено, так как речь шла об одном единственном человеке – прим.) с приданным, обещанным жениху, то есть мне, и в тот же миг я был освобожден ликующей толпой слуг, любивших меня так же, как и я их, и они уже были моя семья в тот миг и задолго до того и долго после, а самая любимая моя Сю-И вскоре получила свободу, но пожелала остаться в доме моей супруги, а навещать меня я ей больше не позволял, и одевал в одежды, как свободную, и всюду она сопровождала госпожу Нурси, мою супругу, как свободная», и так далее.

Конечно, госпожа Ну плевать хотела на все законы и обычаи, но теперь, когда стало для всех очевидным, что она скоро потеряет свое состояние и все перейдет Хуану, её просто никто уже не слушал. Она поникла головой, силы оставили её. Припертая со всех сторон, она поняла, что сама загнала себя в угол. Кроме всего прочего, госпожа Ну всем надоела своей злостью, и обитатели дома хотели, чтобы хозяйкой скорее стала молодая госпожа Нурси, поэтому они с радостью освободили Хуана.

Вот такая драма разыгралась в тот вечер у фонтана во дворе дома госпожи Ну, что привело к таким хитрым юридическим хитросплетениям, прописанным в брачном контракте Хуана и племянницы госпожи Ну, и скорой свадьбе.

На самом деле всего этого могло бы не быть, если бы Сю-И вовремя не залила беззубый рот госпожи Ну горячим чаем, который заварила Анаб. Как писал сам Хуан ибн Куку:

«Сю-И стала творцом моей и своей свободы, лучшей жизни всего дома и моей супруги госпожи Нурси, и если бы не тот чай с шалфеем, который я принес за вечер до этого дня, то старая госпожа Ну не разделила бы радости, охватившей нас всех, и все мы погибли бы вскоре от ее злости, если бы не Сю-И. С тех пор я не доверяю толстухам и остерегаюсь иметь дело с теми, кто склонен им довериться».

Вскоре, Хуан ибн Куку мог зваться аль-Нурси и просить аудиенций не только падишаха, но даже Султана, пользуясь родовым именем, которым был награжден судьбой.

А что на счет молодой госпожи Нурси, спросишь ты! Её имени не сохранилось в книге, но Хуан относился к ней с уважением, как и она к нему. Любил ли он её, и она его – этого не известно. Не известно так же, какая она была, красивая, молодая, старая ли. Известно, что она с радостью переселилась из своего дворца в дом, в котором выросла и играла малень-

кая рядом с фонтаном, который починил Хуан, как будто специально к её возвращению. Она встретила снова Анаб, которая растила её с детства, как свою дочь, и они обрели свое счастье в объятиях друг друга, а Сю-И стала ей сестрой, которую она всегда хотела иметь, и все они стали неразлучны. Жизнь наполнила этот дом снова, а Хуан с радостью наблюдал, как поселяется в нем любовь и счастье. Даже старую госпожу Ну, которую накануне свадьбы хватил удар, окружили любовью и заботой: Селим таскал ее в кресле за спиной, а Сю-И с молодой госпожой наряжали ее цветами и танцевали во круг неё, а она улыбалась беззубым ртом, доживая свои годы в окружении любящих и простивших ей всё.

Молодая Госпожа Нурси сделала Хуану свадебный подарок – она подарила ему свой родовый дворец Нурси, в котором Хуан побывал всего несколько раз, но, как он пишет, даже не остался в нем на ночь; думаю, это небольшое преувеличение, часто встречающееся в повествованиях книги от имени Хуана. Он писал так:

«... ближе к ночи я поднимал собак уже ожидавших и сам седлал коня, но чаще я брал двух или трех верблюдов, так как им было легче ночевать в пустыне, а покои дворца напоминали мне неволю. Мне, как и верблюдам, ночевавшим всегда в стойле, хотелось свободы, находящейся на расстоянии вытянутой ладони.»

В этом дворце состоялась его встреча с Принцем – сыном Султана, который пожелал перед своей смертью видеть единственного сына в доме своих старых друзей – Нурси, и чтобы дружба, соединявшая его когда-то с этим именем, нашла, наконец, свое начало вновь, как много лет назад, когда они втроем, на охоте, боролись одними только кинжалами с разъяренным раненым львом. Тогда и погиб от ран старший Нурси, спасший молодого Султана и своего брата. Там же младший Нурси поклялся, что позаботится о только что родившейся дочери брата – своей племяннице, а молодой Султан построил ей дворец, как благодарность за своё спасение её отцом. Эта история до глубины души потрясла Хуана, и они вместе с Принцем плакали, как дети, а потом скакали по барханам, не щадя лошадей, и ночевали в пустыне под звездами, согреваясь только теплом своих тел, в обнимку с собаками.

Хуан прислал Принцу мраморную статую льва с золотым кинжалом в сердце, а Принц подарил Хуану корабль, который называл «Морской Лев Нурси», и вместе они заложили в тайнике трюма красный рубин, покрытый надписями на арабском и искусно пронзенный изящным кинжалом, который должен был стать сердцем корабля. Это были трогательные встречи Хуана и Принца – они, словно мальчишки, заново переживали детство и всё самое прекрасное, что должно во время него произойти, и поэтому их дружба осталась на всю Жизнь. Им даже довелось оказаться по разные стороны войны, Хуан в то время был одним из генералов Наполеона, а Принц был полководцем падишаха. Принц как раз брал невесту в жены, и они месяц праздновали всем фронтом свадьбу и сорвали обеим сторонам наступление, так как все солдаты по ту и другую стороны фронта во время многочисленных пиров растеряли оружия и разошлись, кто куда. После этого случая Принц попал в немилость падишаха, а Хуан порвал с революционной Францией, и именно поэтому об этом наступлении не написали ни в одной газете, которые по-прежнему каждый день покупала мама Хуана в надежде узнать что-либо о судьбе сына, а его отец по-прежнему бороздил моря и океаны на стремительной яхте «Жюан» в надежде отыскать сына.

Ты, наверное, обратил внимание, что я часто повторяю слова, которые мне нравятся, – особенно эти последние – они вселяют в меня тепло и надежду на всё самое хорошее!

Послесловие

Как ты заметил, в окружении Хуана больше встречается хороших людей, но все они в той или иной степени являются чьими-то подневольными, рабами, слугами, одним словом, – не могут распоряжаться своей свободой. Хуан писал по этому поводу, что:

«Свободный человек желает первым делом купить раба или ввергнуть кого-либо себе в неволю и меньше всего желает кого-либо освободить, поэтому я всегда избегал и скрывал от всех, что я свободный человек. Говорили они неприятные мне разговоры о наживе и удовольствиях, а мне же хотелось думать о любви и о свободе, как о просторе, и я не понимал их, а они меня, и мы не могли стать друзьями».

Ты спросишь, ну как же так, ведь Принц, госпожа Нурси, Нириада – все свободные богатые люди! Как быть с ними, ведь они друзья Хуана?!

Все так, только Принц был не свободен от своего высокого происхождения и должен был делать то, к чему его оно обязывает – поэтому, кстати сказать, он предпочел незабвенный покой на островах в обществе неведомых ни до чего островитян. Госпожа Нурси не была свободна до того, как вышла замуж за Хуана, так как всю свою молодость была вынуждена ждать замужества, и молила бога, чтобы её будущий муж не оказался деспотом, а про Надири я вообще молчу, – она оказалась невольницей по своему происхождению, и в караване, в котором она встретила Хуана, её везли к господину, которому она принадлежала. Хуан вспоминал, как она учила его играть в камешки – это были изумруды, алмазы, рубины... За один камень можно было выкупить из неволи сотни человек, а Нириада, если бы захотела, могла бы с легкостью кидать их горстями в воду, но только не смогла бы никак выкупить себя. И Хуан много и долго думал над этим, и ещё больше его волновало – хочет ли она свободы для себя вообще?

«Иногда я думаю, что лишь неволя заставляет человека так отчаянно любить, а свобода велит ему любить только себя».

«Я много раз был рабом, но никогда не верил этому, а внутри я всегда чувствовал себя свободным, и теперь понимаю, что внутри – важнее».

Глава 4

В этой главе я расскажу тебе, что представлял собой корабль Хуана «Морской Лев», подаренный ему Принцем.

«Морской Лев»

Как ты знаешь, морской лев – очень сильный, смелый, быстрый хищник, полностью оправдывающий свое сравнение со львом – царём зверей. Как и сам морской лев, корабль был ему под стать: быстрый и надежный в умелых руках, прочный и устойчивый на волнах. Его борта были укреплены вставками из железного дерева, выкрашенного в белый цвет, от которых отскакивали ядра и была бессильна картечь. Сам же корпус из ливанского кедра – дерева, которое не поддается гнили, был выкрашен в цвет грифельного карандаша, на фоне которого зеленовато-бирюзовые паруса смотрелись прекрасно. Каждый борт защищали шесть легких пушек. «Морской лев» мог принять до двадцати человек команды и полные трюмы груза, а при желании кораблем можно было управиться и в одиночку. Однажды Хуану довелось убедиться в этом, столкнувшись в море с пиратами, пожелавшими взять «Морского Льва» на абордаж.

Пираты видели, что кроме Хуана на корабле больше никого нет, и поэтому не стреляли из пушек в надежде захватить корабль в целостности и сохранности. Хуан заблаговременно зарядил все пушки с правого борта по мере приближения флотилии, так как заподозрил неладное еще издалека. С подветренной стороны левого борта стремительным курсом, прямо на него, на равном расстоянии друг от друга шли три корабля со спущенными флагами. Подозрительно, не правда ли? Стало понятно, что они пытаются взять его в тиски, прижав к берегу. Расстояние между кораблями по линии было небольшое, так что проскочить между ними не представлялось возможным. Выполнить разворот и кинуться наутёк мешал ветер, близость берега и возможность напороться на прибрежные рифы, поэтому, не теряя времени, Хуан не стал выставлять паруса, а занялся пушками, обдумывая, как лучше ему потом выполнить разворот. Затем, поправив курс, приступил заряжать пушки левого борта. Пираты заметили это, так

как расстояние уже позволяло им наблюдать за ним не вооруженным глазом. Зафиксировав руль петлей, Хуан подбежал к ближайшей пушке, сделал предупредительный выстрел, чтобы проверить дальность прицельной стрельбы. Услышав залп легкого орудия и шлепок о воду небольшого ядра, пираты начали дружно хохотать, так как было понятно, что с такими пушками даже при наличии команды не управиться с тремя кораблями, и уж тем более не потопить ни одного из них. В ответ пираты дали залп из тяжелой пушки. Ядро пролетело над «Морским Львом» и шумно опустилось в воду, подняв столб воды. После такого представления пираты ожидали только сдачи корабля без боя, обычно так и происходило в таких случаях. Хуан знал это и направил нос корабля в сторону самого дальнего от него противника и пошел на сближение, заходя таким образом, чтобы могло показаться, что он идет прямо между двумя первыми шхунами, готовясь к сдаче. Именно так и поняли его маневр пираты. Подойдя поближе, они стали сбрасывать скорость, снимая паруса, и в это время, не дав «захлопнуть клещи», Хуан начал резко выполнять разворот в непосредственной близости и, выведя правый борт на позицию, открывавшуюся для стрельбы, кинулся с фитилем к пушкам. Пираты сначала подумали, что Хуан бежит снимать паруса, но когда увидели дым от фитиля, опешили от такого поворота событий, так как не представляли, что он собирается *сражаться* в такой ситуации. Самые опытные из них уже было потянулись к пистолетам, как грянул гром первой пушки правого борта «Морского Льва», и полетело не ядро, а картечь, которая разметала всех по палубе. Затем второй залп продолжал разносить в щепки борта пиратской шхуны, за которым прятались пираты. Залпы остальных пушек изрядно повредили борта, паруса и такелаж пиратской шхуны, и ей пришлось выйти из погони. Тем временем, за происходящим могли только наблюдать подходившие остальные пираты, к тому времени тоже скинувшие паруса, и не в силах помочь своим товарищам по разбою. Хуан немедленно завершил разворот и наставил дополнительный парус, лег под ветер и был уже на приличном расстоянии (к тому же немного за спиной преследователей), а учитывая то, что им пришлось сбавить паруса, у Хуана появилась изрядная фора, которая и решила исход погони. Попробуй, догони морского льва в его стихии! Пираты проводили его прощальным салютом, в суматохе не успев как следует навести свои пушки, стреляя наугад. На этом все и закончилось.

Глава 5

В этой главе я приведу историю, описанную самим Хуаном ибн Куку в книге.

Морская дьяволица

Однажды пришлось мне бывать в плену у одного шаха, рыбаки которого выловили меня полумертвого из моря после кораблекрушения. Они сказали ему, что я, наверное, колдун, раз меня не съели рыбы. Сначала шах приказал посадить меня на цепь и не давать ничего, кроме воды. Впрочем, не запретил слугам бросать мне лепешки из остатков той еды, которую для них готовили. Нужно признать, что нахлебавшись вдоволь такого количества морской воды, пресную воду я считаю величайшим по вкусу напитком в мире, и даже в таком положении, сидя на цепи, для меня это было счастьем ощущать под собой твердь земли и как насыщается моя плоть. Одним утром, служанка, носившая мне воду, рассказала, что шах собирается скормить меня огромной морской щуке, которая случайно попала в его сети. Шаху доставили хищницу живой на потеху, и он решил оставить её, чтобы хвастаться своим гостям, и заодно устроить перед ними представление – бросить меня ей на раздираение. Избежать пасти акул в море и принять смерть от гигантской щуки в бассейне шаха на потеху всем это было бы слишком для меня после всего того, что мне довелось пережить, и в моей голове быстро созрел план. Я попросил служанку, что приносила мне еду, распространить слух, что будто бы мне известно, как заклинать рыб и особенно морских щук, так как в свое время заработал много денег на этом. А велел я ей сказать именно так: «Боюсь, как бы наш пленный не заколдовал бы щуку, как он рассказывал, что может. А то представление выйдет нелепое! Не вышло бы позора перед гостями!» Затем я велел сказать следующее: «Вели-

кий шах мог бы похвастать дрессированной щукой перед всеми!», и еще добавить: «Думаю, колдун мог бы выменять свой секрет на свою свободу, а сети шаха всегда были бы полны рыбы и бочонки полны золота!»

Так каждый день служанка тихо, почти шепотом, как я её и учил, говорила новую фразу, и все слуги наперебой начали повторять за ней, каждый на свой лад, громче и громче, добавляя всякий раз что-то от себя, чтобы выделиться умом. И вскоре все управляющие выстраивались на доклад к шаху с одними и теми же речами, одна другой слаще.

В конце концов шах клюнул на мою удочку, и мне даже не пришлось тянуть на себя наживку, рыбка сама плыла ко мне. Тем же вечером меня привели к нему. Оказалось, что его больше заботило представление и то впечатление, которое он мог бы произвести на своих гостей! В его светлую голову пришла гениальная идея. Ему захотелось на виду у гостей войти в бассейн с огромной морской щукой и повелевать ею! Какая слава бы тогда могла постигнуть его! Молва вознесла бы его до небес! Конечно, если бы он сам до этого не додумался, то пришлось бы мне подсказать ему, если бы этого раньше меня не сделали другие. Благодаря их желанию выслужиться, я остался жив.

Я пообещал, что научу его заклинать рыб, и они сами будут плыть в его сети, и он выручит много золота. Но для этого ему придется оставить меня в живых, а после – освободить.

–Смотри, неверный, если обманешь меня, то, клянусь Аллахом, скормлю тебя этой щуке по частям, а потом прикажу вытрошить её брюхо и раскидать по земле твои останки на радость шакалам! – таков был его ответ.

Но все же цепи с меня пришлось снять, и я поселился рядом с бассейном, в котором в морской воде плавала Щука.

Ели вы раньше сталкивались с этой морской дьяволицей, то должны молить всех богов на свете, что остались живы. Это огромная удача! Конечно, она могла бы вас помиловать, проплыв мимо, её любимая еда – это треска и тунец, но человека она может убить в считанные секунды! Плавальщик может даже не понять, что произошло, а наблюдатели не успеют ничего разглядеть. Существуют легенды о морском дьяволе, но на самом деле, это просто щука – огромная, как акула, быстрая и беспощадная в своих владениях! А вот мне пришлось провести с ней в одном бассейне много дней и даже ночей, кормить с рук и утешать её, в то время когда она тосковала по морскому простору (нужно схватить её под жабры и перевернуть брюхом вверх, а затем погладить и почесать за плавниками, и тогда щука станет как домашняя кошка, впрочем, это не всегда получается, и можно остаться без руки).

Сначала я поставил условие, чтобы к бассейну со щукой никто не подходил кроме меня, чтобы была возможность «как следует её заколдовать». Щука грозно выгибала из воды спину, всем видом показывая недовольство. В одну ночь я приказал отгородить часть бассейна прозрачным стеклом и на утро сам прыгнул в воду.

Обезумев то ли от моей наглости, то ли от своей природной ярости, Щука ринулась в мою сторону и со всей силы ударилась о стекло. Затем, развернувшись, она еще несколько раз повторила свое неудачное нападение. Все это время я спокойно плавал, не обращая никакого внимания, находясь от неё на расстоянии меньше, чем фаланга мизинца, которым нас разделяло толстое крепкое стекло. Щука продолжала свои яростные атаки с завидным упорством, но тщетно! Это продолжалось целый день и всю ночь, которую мне тоже пришлось провести в бассейне. Под утро следующего дня мы оба были изнеможены.

Мое присутствие явно раздражало щуку, как хищника, а её положение пленницы не давало с ним смириться.

Рыба билась головой в стекло, но уже не так неистово. Она была в недоумении, которое слабело от усталости, и, в конце концов, недоумение сменилось безразличием.

Затем, когда щука оголодала, я начал, стоя по горло в воде, перекидывать через стекло мелкую рыбешку, которую она охотно начала подбирать. Перекусив немного, она оставила недоеденными плавающие по поверхности рыбки, и, всё ещё голодная в своей неутраченной ярости, щука уплыла вглубь бассейна и залегла в тени свисавших над водой пальм. Я понял, что она устала и хотела бы одиночества, впрочем, как и я. С трудом вылезши из бассейна, я был необычайно доволен собой, и чувство победы одолевало меня ничуть не меньше усталости. На какие только отчаянные глупости можно пойти ради своего спасения...

Пришла служанка, принесла немного молока, свежие лепешки и финики. Я валялся полу-голый в луже воды, стекавшей с меня на нагретый солнцем мраморный пол рядом с бассейном. Тяжело дыша сквозь зубы, как конь, и выпучив глаза, весь в мурашках на почерневшей от солнца коже, – я пытался согреться. Взглянув на меня, служанка шутиливо спросила:

– Ну что, ты доволен своей новой подружкой? – и я понял, что она уже в меня влюблена...

Под вечер, выплыв из своего укрытия под последние лучи солнца, щука начала кружить, словно сама с собой. Я снова спустился в бассейн со стороны, отгороженной стеклом. Интерес у щуки ко мне пропал, и она уже плавала, не касаясь стекла. Мало-помалу она свыклась с моим соседством. На следующий день я купил для неё огромного тунца.

Так продолжалось какое-то время. Я кормил её, трепал за плавники, хватал за хвост, пока она разбиралась с большими кусками своей еды. Одним словом, у нас появились какие-то признаки дружбы. Во всяком случае, она мне многое позволяла из того, за что другой поплатился бы жизнью. И вот, однажды ночью, я с помощью нескольких рабочих быстро вытащил из бассейна стекло, отделявшее меня от когда-то смертельной опасности.

Наутро щука плавала на своей части бассейна в хорошем расположении духа в ожидании кормежки и новых игр. Я опустил одну ногу в бассейн. Почувяв меня, она развернулась в мою сторону и подплыла, остановившись на том самом месте, где было стекло, но не двинулась дальше. Я сошел по пояс. Щука закружила, терпеливо ожидая. Я подошел к той черте, где раньше пролегалo стекло, не заходя за неё.

Теперь, вспоминая те дни, я постоянно спрашиваю себя – что случилось бы со мной, зайдя за линию?

Так продолжалось неделю или даже несколько, я совсем потерял счет времени в те дни, в те жаркие, полные звезд и вина, ночи. Это было спокойное и счастливое время. Я уже не чувствовал себя одиноким в этом чужом мне мире, со мной все это время теперь была щука, и конечно, мне приносила воду и вино всё та же служанка, что и раньше. У нас было много общего – мы были пленниками, и наше положение здесь было не намного лучше, чем у этой рыбы, которая поглядывала на нас из бассейна, словно молчаливый участник наших бесед. Иногда все было так хорошо, что мне не хотелось покидать этот плен, и никому из нас.

И вот настал мой день расплаты с шахом за спасение и за то, что он не скормил меня акулам, как колдуна. Я придумал заклинание, рассказал о нем шаху, затем произнес его у него на виду, зашел в бассейн, и щука меня не тронула. Шах приказал слуге повторить заклинание и спуститься в бассейн, как показывал я только что. Все получилось и у слуги, – на мое счастье он не зашел за роковую черту.

Затем, когда собрались гости, началось само представление. Нужно ли говорить, что шах, потерял всякую осторожность и под аплодисменты зашел за линию. Не прошло и мгновения, как щука вырвала ему живот и утащила на дно бассейна. Насытившись его потрохами, она отплыла под навес пальм. Поднялась паника. Меня тотчас окружили стражники и были готовы убить, но я напомнил про священное обещание их господина, данное мне, как колдуну, что мне ничто не угрожает, и что тот клялся своим местом в раю! Мне нужно было как-

то выиграть время. Я сказал им, что лучше бы они занялись поживой во дворце, пока вести не разлетелись по городу, и они дружно ринулись грабить покои своего господина. Ну, а я тут же кинулся искать свою служанку, схватил её за руку, и мы вместе стали выбираться из дворца. Кто-то опрокинул лампадку с маслом и запахло гарью, отчего суматоха только усилилась, и мы смогли пройти к воротам. Но прямо перед нами они распахнулись, и мы чуть было не попали под копыта лошадей – это был отряд конной стражи. Завидев мечущихся по дворцу людей, они не обратили на нас никакого внимания, но нам пришлось искать другой выход. Служанка потянула меня в другую сторону, и мы скрылись от всех взоров. Она провела нас коридорами и тропинками через все сады и строения, и мы оказались у потаенной калитки, ведущей к морю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.